

УДК 316.3-043.7

Ю. В. Борисова*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ПРИВИЛЕГИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА:
ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ**

Проанализирована социальная сущность и юридическая природа привилегий; их место в различных системах социальной стратификации и моделях социальной политики. Показаны функциональные различия льгот и привилегий как разновидностей исключительных прав. Подчеркнута целесообразность расширенного толкования сущности привилегированных статусов. Выделены ключевые теоретико-методологические позиции в интерпретации природы привилегий. Обозначены некоторые особенности эволюции системы экономических, политических, социальных привилегий. Дана оценка актуального состояния проблемы льгот и привилегий в Украине. Акцентирована необходимость и возможные трудности на пути реформирования действующей в Украине системы исключительных прав.

Ключевые слова: привилегии, льготы, социальная стратификация, социальное неравенство, социальная политика, социальная справедливость.

Актуальность проблемы. Рассмотрение роли привилегий в воспроизводстве социального неравенства и обеспечении вертикальной социальной мобильности, функций, которые отводятся льготам и привилегиям в различных моделях права социального обеспечения, представляется нам одной из самостоятельных задач современного социально-гуманитарного знания.

Проблема привилегий приобретает особую значимость как при оценке эффективности реализуемой в государстве социальной политики, так и при исследовании характера стратификационных процессов в конкретном социально-историческом контексте. Она имеет непосредственное отношение к современной украинской действительности. Как часть постсоветского пространства, украинский социум выступает «экспериментальной площадкой» для проведения практически непрекращающихся социальных реформ, которые с необходимостью затрагивают сложившуюся в государстве систему льгот и привилегий, тем не менее, кардинально не меняя ее. Большинство работ современных авторов, которые посвящены данной проблеме (исследования Г. Горланова, М. Козюк, И. Кравченко, А. Малько, И. Морозовой, Г. Пашковой, Д. Ковриженко, О. Чебаненко, О. Грищук, Н. Колодяжной, Я. Беседы и др.), охватывают преимущественно её экономический и правовой аспекты, в то время как этико-философское и социологическое «измерения» остаются малоизученными. **Цель данной статьи** – рассмотрение социальной сущности и юридической природы привилегий, их места в системах социального неравенства и различных моделях социальной политики.

В переводе с латинского «привилегия» (*privilegium*, от *privus* – особый, *lex* – закон) означает исключительное право,

преимущество, предоставленное кому-либо. В юридическом аспекте это понятие указывает на специфику применения по отношению к определенной социальной группе (статусной, профессиональной, возрастной и т.д.) норм законодательства, как правило, через ограничение их действия в определенной мере. Традиции использования этого понятия в официальной юриспруденции и научной лексике в целом применительно к советской действительности были изжиты одновременно с началом этапа построения «бесклассового» общества. Реформы начала 1990-х годов кардинально видоизменили стратификационный профиль постсоветских обществ, повлияв на каналы и механизмы воспроизводства социального неравенства. Вместе с тем усиление процессов социального расслоения, появление новых – как легальных, так и незаконных – траекторий обретения привилегированных статусов не привело к их «официальному» признанию. Невзирая на включенность в научный тезаурус, понятие «привилегии», тем не менее, и сегодня не обладает полноценным юридическим статусом. Мнения отдельных специалистов о том, что привилегии являют собой подкласс льгот, «смягчают» эту проблему, не устраняя её окончательно [8].

На наш взгляд, привилегии, как «изъятия» из общих правил и особое средство наделения субъектов дополнительными, особыми правами, тесно смыкаются с льготами (в переводе со старорусского *льга* означает облегчение, послабление, свободу). В то же время проведение между ними водораздела является необходимым; он связан с различиями в социальной природе и функциях данных видов преимущественных прав. Предусмотренные законодательством индивидуальные и групповые привилегии (традиционно

обозначаемые как льготы, компенсации, гарантии) – например, чиновникам высшего ранга – «продиктованы необходимостью наиболее полного и качественного осуществления ими своих функций» [7]. Целью желтот как инструмента социальной политики является облегчение имущественного или, шире, социального положения отдельных субъектов или социальных групп, компенсация ущерба, понесенного при выполнении служебных обязанностей, гражданского долга, задач государственной важности и т.п. Льгота – это «правомерное облегчение положения субъекта, позволяющее ему полнее удовлетворить свои интересы и выражающееся как в предоставлении дополнительных особых прав (преимуществ), так и в освобождении от некоторых обязанностей» [8, с. 119].

Детальное рассмотрение *социальной сущности* привилегий позволяет обнаружить ее в *любом* «особом», исключительном положении индивида (группы) в системе правовых и социальных отношений, а не только связанном с сословной принадлежностью, престижностью или важностью выполняемых функций. Привилегированным в аспекте шансов социального продвижения является положение физически и психически здоровых людей по сравнению с людьми с ограниченными функциональными возможностями. Преимущества политического участия гарантируются гражданам государства по сравнению с не-гражданами, проживающими на его территории (вынужденные переселенцы, как правило, могут рассчитывать на комплекс услуг по содействию их трудоустройству, социальной, психологической реабилитации, компенсирующих риски социальной эксклюзии).

Существенно различается роль льгот и привилегий в процессах воспроизводства/нивелирования социального неравенства. Системальготкакважный механизм социальной защиты населения, средство обеспечения принципа социальной справедливости способна уменьшать социальные контрасты, негативные последствия экономических реформ и разного рода социальных рисков. Привилегии воспроизводят социальное неравенство. Это не означает, что наличие привилегий ставит под вопрос реализацию принципа социальной справедливости, скорее выдвигает задачу идентификации ее критериев, что, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения.

Как было замечено выше, в расширительном толковании смысл понятия «привилегия» выходит за пределы того, что предписано юридически. «Особый статус», например, выгодное положение в системе производства и распределения материальных благ, автоматически сулит лучшие возможности

его сохранения, упрочения, наследования («привилегированность»). Так, для детей высших чиновников или топ-менеджеров ведущих финансовых корпораций престижное образование и высокооплачиваемые должности «автоматически» более доступны, чем для детей рабочих. Исследование, проведенное в конце прошлого века Стенуортом и Гидденсом, показало, что в Англии в период с 1850 по 1970 год представители высшего класса составляли 66% среди руководителей крупных компаний [3]. Современные английские социологи А. Рамни и Дж. Мейер отмечают: «Лучший совет молодому человеку, стремящемуся подняться вверх по ступеням иерархии, заключается в том, чтоб эта лестница принадлежала его отцу» [1, с. 118].

М. Вебер, рассуждая о возможностях «привилегированного класса собственников», видел их, кроме прочего, в том, что «они могут монополизировать привилегии на социально престижные виды образования так же, как и на престижные виды потребления» [2]. Тем самым подчёркивалась взаимосвязь привилегий и таких ресурсов, как власть и собственность. Определение сущности понятия «власть», предлагаемое исследователями социальной структуры, эту зависимость подтверждает: «власть – это способность социального субъекта в своих интересах определять цели и направленность деятельности других социальных субъектов (безотносительно их интересов); распоряжаться материальными, информационными и статусными ресурсами общества; формировать и навязывать правила и нормы поведения (установление запретов и предписаний); предоставлять полномочия, услуги, привилегии [14].

Если М.Вебер, оценивая «вклад» политических и экономических ресурсов в процессы социального расслоения и обеспечение различий стиля жизни, не отдаёт явный приоритет ни одному из факторов, то для К. Маркса ответ на этот вопрос однозначен. Для него природа неравенства и, следовательно, привилегий, коренится в отношениях собственности: частная собственность сама является привилегией. Вообще, любая иерархия – как светская, так и церковная – и порождается привилегиями, и «ответственна» за их воспроизводство. Говоря о ломке сословно-феодальной системы, о «политической эмансипации» в Европе, сопровождаемой отделением сферы гражданской и сферы политической, К. Маркс подчёркивает: провозглашённое европейскими парламентами равенство всех граждан «ограничено в жизни, над которой ещё властвуют и которую разделяют привилегии». Эта «несвобода жизни» оказывает обратное действие на закон и принуждает его санкционировать деление

самих по себе свободных граждан на угнетённых и угнетателей [9].

П. Сорокин, определяя предпосылки социальной стратификации, описывает их достаточно комплексно: это неравенство прав и привилегий, ответственности и обязанностей, наличие (отсутствие) социальных ценностей, а также власти и влияния среди членов сообщества [16]. Вслед за своим учителем, говоря о критериях социальной дифференциации, Т. Парсонс выделяет, наряду с врождёнными характеристиками человека и признаками, связанными с исполнением роли (прежде всего профессиональной), также и элементы «обладания»: собственность, привилегии, материальные и духовные ценности. Детерминированное указанными факторами социальное неравенство, по мнению Парсонса, вполне целесообразно: оно стимулирует к добросовестному выполнению профессиональных обязанностей, нацеливает на социальный успех, возможный благодаря усердию и прилежанию [13]. Исходя из функционалистской рациональности, даже сколь угодно привилегированные социальные позиции могут рассматриваться как достижимые в результате демонстрации лояльности ценностям социальной системы.

Свидетельства античных историков позволяют предположить, что даже закрытая стратификация рабовладельческого общества допускала восходящую социальную мобильность и связанное с ней расширение доступных для гражданина полиса привилегий. Законодательство Афин и других греческих городов-государств предусматривало процедуру перевода рабов в подклассы свободных граждан. После завершения процесса освобождения и выполнения всех условий вольноотпущенник, как правило, получал статус метека, то есть постоянно проживающего иностранца; в качестве такового он обязан был избрать своим патроном освободившего его хозяина. По-видимому, вольноотпущенники, как и все постоянно проживающие иностранцы, много занимались коммерцией (малопрестижным видом деятельности); двое из банкиров, имена которых во всей афинской истории известны лучше всего, – Пасион и Формион, – через несколько лет после освобождения получили афинское гражданство (для Пасиона это было наградой за оказанные государству услуги) [11]. В то же время, как отмечает Б. Рассел, рассуждая о позднем этапе правления Перикла, чрезмерные претензии «простонародья, не обладавшего культурой», вынудили афинскую аристократию «защищать привилегии богатых путём предательства, убийств, незаконного деспотизма и другими столь же неблагоприятными методами» [15, с. 252]. К сожалению, человеческая история пестрит примерами подобного рода противостояний.

Смена архаической эпохи эпохой государственности ознаменовалась становлением не только системы привилегий, но и тесно привязанных к социальному положению общественных повинностей. Так, литургии в Греции предполагали организацию за счёт средств состоятельных граждан выступлений хоров на государственных праздниках и содержание триер в боевой готовности, мунера в Риме вменяла в обязанности гражданам, помимо уплаты налогов и содержания армии, занятие определённых должностей. «Высота» положения в социальной иерархии во многом определяла спектр обязательств гражданина полиса перед его общиной.

«Негласной» монополии на привилегии может гипотетически добиться любая социальная группа, преодолевшая определённый «экономический барьер» (по К. Марксу, в классовом обществе капитал является основным субъектом управления). Солидарные выступления тех, кто оказывается ниже барьера, против существующего порядка распределения привилегий способны отчасти влиять на его характер. Как отмечает М. Вебер «античные и средневековые неимущие протестовали против различного рода монополии, преимущественного права на покупку товаров ... и отказа сдавать их на рынок с целью повышения цен; сегодня центральный вопрос – установление цены на труд...» [2].

Вслед за М. Вебером Ф. Паркин рассматривает собственность как крайне важную, хотя и не единственную форму «социального перекрытия», которое может быть использовано как средство монополизации контроля над другими [3]. Кроме власти или богатства, в «возведении» социального перекрытия задействуются любые характеристики, обуславливающие различия в статусе, в том числе этничность, язык, вера. Двумя стратегиями создания социального перекрытия выступают *исключение* – обособление от «чужих» через ограничение доступа к ценным ресурсам, и *узурпация* – попытки менее привилегированных получить доступ к ресурсам, ранее монополизированным другими.

Как и преференции хозяйственно-экономического характера, *политические привилегии* в эпоху средневековья были предметом противостояния интересов потомственной аристократии и нарождавшегося в недрах сословно-феодального общества класса буржуазии. Родиной парламентских привилегий принято считать Англию, где по инициативе членов Палаты Общин как представителей третьего сословия особые права парламентариев были закреплены в законодательстве. Изначально речь шла о свободе высказываний, сегодня

известной как депутатский индемнитет: он призван обеспечивать такой принцип деятельности парламента, как публичность, стимулировать ответственное отношение народных избранников к исполнению своих профессиональных обязанностей. События Великой Французской революции обусловили необходимость введения специальных механизмов защиты представителей народа: так была провозглашена неприкосновенность каждого депутата [5].

Традиции парламентаризма, получившие мощный импульс к развитию в эпоху Нового времени и Просвещения, постепенно распространились за пределы политических систем европейских государств. В странах Центрально-Восточной Европы ввиду ряда исторических предпосылок этот процесс обладал своей логикой и темпами развития. Говоря об актуальном состоянии проблемы, эксперты отмечают: если в странах Запада намечены тенденции, в частности, к ограничению действия принципа депутатской неприкосновенности, то в странах Центрально-Восточной Европы – наоборот, к его расширению [5]. Эта тенденция касается и финансово-материального обеспечения членов украинского парламента и депутатов, вышедших на пенсию. Экономические трудности в стране, реформа в сфере социальной защиты населения в минимальной степени отображаются на системе льгот и гарантий представителям высших эшелонов власти.

Основные факторы, обуславливающие указанную тенденцию, лежат, на наш взгляд, в историко-политической и социокультурной плоскостях.

В условиях тоталитарного режима привилегии использовались как плата за лояльность существующему режиму. Критерий профессионализма, заслуг перед родиной и общественной ценности вида деятельности смешивается с идеологическим: особо важные (политические) задачи и ответственные должности поручаются исключительно людям с «правильным» классовым происхождением [12]. Общество, в котором была провозглашена борьба с неравенством и привилегиями, воспроизводило партноменклатуру, все более обростающую привилегиями. На начальном этапе указанного процесса протест против привилегий трансформировался в установку на необходимость борьбы с внутренними и внешними врагами, а также в страх перед репрессиями. Тем самым нейтрализовалась рационализация проблемы, вырабатывался «иммунитет», пассивная реакция на существующую несправедливость. Кроме того, видимая народом «верхушка айсберга привилегий» редко увязывалась с личностями непогрешимых харизматичных вождей,

воспринимаясь скорее как «перегибы на местах».

Если эволюция системы привилегий в странах Запада имела своей подоплекой преимущественно экономические ресурсы индустриального общества, в странах, где «победил социализм», основными ресурсами становления этой системы были политическая власть и идеология.

М. Фуко, говоря о тотальности контроля, порождённой эпохой модерна, переносит акцент с природы власти, его обеспечивающей, на универсальные атрибуты такого контроля. Это размытость центров власти и всеохватывающий характер принуждения. «Очаги» генерирования отношений господства-подчинения и привилегий как их атрибута являются множественными: прежде всего, это палаты больниц и пенитенциарные учреждения, хотя и семья, и школа, и другие институты общества также являются по своему характеру дисциплинарными. И общественное мнение, и СМИ как канал его выражения встроены в систему контроля и потому не могут быть «независимыми арбитрами» в борьбе за перераспределение власти [18].

По мнению политологов и социологов, изучающих социальную структуру, политическую и правовую культуру советского общества, его можно охарактеризовать как этакратическое [14]. Общество, в котором только административно-командная номенклатура отличалась наличием осознанных интересов и самоидентичностью и потому обладала чертами слоя (класса), продуцировало особый тип правосознания. Как отмечает французский социолог права Ж. Карбонье, долгие годы государственного принуждения могут сформировать представление о том, что самое существенное в праве – это норма, а санкция, которой обеспечивается исполнение нормы – одна из необходимых черт права, в результате «право трактуется не как норма, а как мир, согласие, равновесие, достигаемое соглашением и примирением» [6, с. 234]. В ходе реформ конца 1980-х административно-командная номенклатура сохранила контрольные позиции в системе политических и экономических отношений, закрепила за собой монополию на владение и распоряжение привилегиями, в том числе на право контролировать преобладающую часть государственной собственности: это был единственный мирный способ решения вопроса о собственности. На раннем этапе реформ союзником номенклатуры выступили теневой капитал и криминальные группировки [14]. Даже первые лица украинского государства в середине 1990-х были вынуждены констатировать появление в стране «пятой власти – власти теневой экономики и государственного рэкета, когда определённые должностные лица использовали своё положение для личного

обогащения» [10]. Непрозрачная приватизация придала номенклатурной собственности полугосударственный характер, легализовав позиции владеющих ею социальных групп и оттеснив малый и средний бизнес на периферию экономической и социальной жизни. Многие негласные привилегии представителям власти были инкорпорированы в законодательство.

И на сегодня нестабильность экономических позиций малого и среднего бизнеса, зависимость от скудных государственных ассигнований занятой в бюджетной сфере гуманитарной и технической интеллигенции, «утечка умов» делают невозможным устойчивое воспроизводство в стране среднего класса. Это негативно отображается на общем уровне гражданской культуры населения, блокирует протест против сохраняющих свою жизнеспособность несправедливых привилегий. Борьба за привилегии и их использование для дальнейшего социального продвижения нарушает нормальную работу «социальных лифтов», во многом препятствуя выдвижению на ответственные должности наиболее способных и перспективных специалистов.

Для оправдания сложившегося ещё при советском режиме, если не раньше, и сохраняющегося сегодня положения вещей иногда выдвигается аргумент о том, что элита общества, независимо от исторических условий и социальных обстоятельств, должна иметь привилегии, выраженные в особых властных и экономических полномочиях, социальных правах. Это продиктовано её особой ролью в жизни общества: «если элита не получит привилегий официально, она возьмёт *своё* иным путём» [19]. Подобные отнюдь не спорадически высказываемые утверждения вновь и вновь вызывают к жизни дискуссии о масштабах «положенных элите привилегий», а также (что является принципиальным) их сообразности принципам законности и равноправия: все граждане равны в своих правах; привилегии, доступные для конкретных социальных групп, оговорены в законодательстве, нарушение норм которого является незаконным и произволом.

В течение прошлого 2013 года парламентом неоднократно отклонялись законопроект, нацеленные на отмену необоснованных льгот и привилегий для лиц, уполномоченных выполнять государственные функции. Авторы законодательных инициатив подчёркивают: объём депутатских льгот и привилегий является беспрецедентно широким, что нарушает конституционный принцип равенства всех граждан в правах и свободах, в том числе и в праве на получение льгот, значительная часть которых непосредственно не связана с осуществлением их полномочий. Определённые шаги «по защите наиболее

уязвимых слоёв населения и обеспечению социальной справедливости» путём «лишения отдельных категорий граждан чрезмерных и несправедливых привилегий» на протяжении 2013 года были все-таки предприняты, однако они касаются преимущественно пенсионного обеспечения нардепов и других чиновников высшего ранга [17]. Теперь размер пенсии не может превышать 10 прожиточных минимумов; если раньше депутат выходил на пенсию и получал 16 121 грн. (90% от зарплаты), то отныне эта сумма не превысит 9 490 грн. (10 прожиточных минимумов), а если он продолжает работать, пенсия составит «всего» 7 632 грн. Это же касается и госслужащих. Также было отмечено, что «в 2014 году работа над ликвидацией дисбалансов и обеспечением справедливости должна быть активизирована, поскольку именно несправедливость в наибольшей степени обостряет ситуацию в обществе» [17].

Результаты. Современный украинский социум правомерно, на наш взгляд, рассматривать как общество привилегий, различающихся по своей юридической и социальной природе, степени легитимности и подконтрольности общественному мнению. Определённая часть привилегий, не отвечая критерию социальной справедливости, тем не менее, сохраняет своё устойчивое положение в системе механизмов воспроизводства социального неравенства. Это объясняется целым рядом причин. Одна из них – сохранение отдельных рудиментарных черт этакратии, в условиях которой разветвлённая система привилегий для властей предержащих и льгот и гарантий «простому» населению обеспечивает стабильность устоявшегося социального порядка и лояльность существующему режиму. Системой негласных привилегий охвачены все ветви и уровни власти, в том числе призванные в законодательном и судебном порядке сдерживать её (системы) чрезмерное разрастание. Другим фактором является слабость институтов гражданского общества, способных обеспечить прозрачность функционирования данной системы, её соответствие критериям социальной справедливости. Изменение существующего положения вещей не выглядит реальным вне усиления позиций «третьего сектора» общества, создания благоприятных условий для укрепления его социальной основы.

Перспективы. Дальнейшие исследования данной проблемы могут быть обращены на её историко-правовой и этико-философский аспекты. Важным представляется анализ эволюции феномена привилегий в контексте становления идей равенства, справедливости и социально-правовых механизмов обеспечения их реализации в конкретном социокультурном и историческом контексте.

Библиографические ссылки

1. Бейли А. А. Образование в новом веке [Текст] / А. А. Бейли. – М. : ЛИТАН, 2007. – 176 с.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации [Текст] / М. Вебер // Социол. исслед. – 1994. – № 5. – С. 147–156.
3. Гіденс Е. Соціологія [Текст] / Е. Гіденс. – К. : Основи, 1999. – 726 с.
4. Горланов Г. В. Экономические привилегии: источники и формы проявления [Текст] / Г. В. Горланов. – М. : Экономика, 1990. – 194 с.
5. Депутатські привілеї: зарубіжний досвід та пропозиції для України [Текст] / [Д. Ковриженко, О. Чебаненко, О. Гришук, Н. Колодяжна та ін.]. – К. : Лабораторія законодавчих ініціатив, 2007. – 33 с.
6. Карбонье Ж. Юридическая социология [Текст] / Ж. Карбонье. – М. : Прогресс, 1980. – 352 с.
7. Козюк М. Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования [Текст] / М.Н. Козюк. – Волгоград : Право, 1998. – С. 52–67.
8. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве [Текст] / А. В. Малько. – М. : Изд-во Юрист, 2005. – 250 с.
9. Маркс К. К еврейскому вопросу [Текст] / К. Маркс. – М. : Русская правда, 2001. – 32 с.
10. Масальський В. І. Зміни у соціальній структурі України в 1998-2011 рр.: досвід наукового аналізу // В. І. Масальський, Д. С. Скородумов. – Грані. – 2011. – № 4(78). – С. 107–110.
11. Мойли Дж. Б. Вольноотпущенник / Словарь греческой и римской античности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://antientrome.ru/dictio/article>
12. Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве [Текст] / М. Мэтьюз // Вопросы истории. – 1992. – № 2–3.
13. Парсонс Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
14. Радаев В. В. Социальная стратификация [Текст] / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М. : Аспект-пресс, 1996. – Глава 3. – С. 49–58.
15. Рассел Б. История западной философии : в 3 кн. [Текст] / Б. Рассел. – Кн. 1 «Древняя философия». – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
16. Сорокин П. Социальная мобильность [Текст] / П. Сорокин. – М. : Academia, 2005. – 588 с.

17. Уменьшен разрыв между пенсиями народных депутатов и простых людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.bigmir.net/Ukraine/783346>.

18. Фуко М. Око власти [Электронный ресурс] / М. Фуко. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_12.php.

19. Ярославский А. И снова привилегии... [Электронный ресурс] / А. Ярославский. – Режим доступа : <http://left.ru/2006/3yaruslavsky137.phtml>.

Борисова Ю. В. Привілеї в системі соціальної нерівності: етико-філософський та правовий аспекти.

Проаналізовано соціальну сутність та юридичну природу привілеїв; їх місце в різних системах соціальної стратифікації й моделях соціальної політики. Показано функціональні розбіжності пільг та привілеїв як різновидів виключних прав. Підкреслено доцільність розширеного тлумачення сутності привілейованих статусів. Виділено ключові теоретико-методологічні позиції в інтерпретації природи привілеїв. Уточнено деякі особливості еволюції системи економічних, політичних, соціальних привілеїв. Дана оцінка актуального стану проблеми пільг і привілеїв в Україні. Акцентовано необхідність і можливі складнощі на шляху реформування діючої в Україні системи виключних прав.

Ключові слова: привілеї, пільги, соціальна стратифікація, соціальна нерівність, соціальна політика, соціальна справедливість.

Borisova Yu. Privileges in the system of social inequality: ethical, philosophical and juridical aspects.

Social core and legal essence of privileges has been analyzed; their place in different systems of social stratification and social policy models has been defined. Functional difference of exemptions and privileges has been shown. Expediency of comprehensive interpretation of privileged statuses' nature has been underlined.

Keywords: privileges, exemptions, social stratification, social inequality, social policy, social justice.

Надійшла до редколегії: 25.02.2014 р.